

АПЕЛЬСИН

Одним образом мы, педагоги, строим общение с классом из двадцати-тридцати человек и совсем иначе – с аудиторией из пятисот слушателей. Понятно, что без микрофона тут не обойтись, но и не в нём одно дело. Ведь наша главная задача – держать в течение определённого времени внимание нескольких сот людей так, чтобы они не стали нами тяготиться. Мало того, необходимо быть интересными, занимательными и глубокими, и высокими, и далёкими, и близкими одновременно. Ведь мы призваны быть не в тягость, а в радость людям! Только если им приятно нас слушать, можно говорить о том, что беседа удалась и принесла свой плод.

Вот почему от выступающего требуется непременно воодушевление и вдохновение! Скучная, вялая, невыразительная речь никому не нужна, особенно в наш век, когда слушатели просто утомлены и пресыщены всякого рода информацией. Безусловно,

каждый раз мы должны весьма серьёзно готовиться к выступлению, составив хотя бы мысленный план. Хороший оратор не должен задумываться, как он будет излагать мысль, ему подобает быть совершенно свободным в выборе языковых средств выражения.

Кто-нибудь из новичков, читая эти размышления о публичной речи, тяжело вздохнёт и отойдёт с печалью... Уж слишком много требуется для успеха. А как же вы думали?! Дерзать обращаться к огромной аудитории, не имея внутренней уверенности в необходимости вашего слова! Не чувствовать под собой верного друга – творческого Пегаса, сиречь, вдохновения! Поразмыслим: люди специально приезжают издалека, жертвуя своими силами, средствами и временем; они доверяют вам души, с готовностью раскрывают их навстречу слову, а вы... что-то неуверенно мямлите или, хуже того, вяло зачитываете по мятой бумажке! Поистине, семь раз отмерь, один раз отрежь... – и дерзать нельзя

вступать в словесное общение с аудиторией, если ты не ощутил в своём сердце поддержку свыше на этот подвиг...

Расскажу о незабываемой для меня встрече с православной молодёжью России, Украины и Беларуси. Этот ежегодный слёт носит звучное название «Братья». Собирается студенчество со всей страны и проводит свой чудо-форум то в Подмосковье, то в Крыму по заранее и тщательно разработанной программе. В 2011 году благочинный древнего града Можайска, игумен Даниил (Жирнов), удостоил меня чести выступить перед «братьями» прямо на героическом Бородинском поле, где молодёжь разбила свой стан. На открытом воздухе были водружены иконы Спасителя и Божией Матери, за ними – полевой храм с престолом для совершения Божественной литургии.

Был прекрасный летний безветренный день. Русское лето в самом разгаре. На небе ни облачка, дышалось легко, с близлежащих перелесков доносилась прохлада, освежавшая чувства. Слушатели расположились под

навесом, прямо на земле. Впрочем, мощные динамки, поставленные друг на друга, позволяли услышать каждого из выступающих тем, кто сидел близ своих палаток и на удалении двухсот метров.

Эта сцена напомнила мне знаменитое лермонтовское стихотворение, повествующее о кратком затишье в стане русских перед битвой всех времён и народов... Говорить о чём-либо значимом вне связи с самим святым местом казалось невозможно. Мне заранее предложили тему о личном счастье... Я повёл речь о том, что земля, на которой мои слушатели стояли или сидели, сокрывает в своих недрах останки героев России... Мало того, всё под луной совершается и во времени, и в вечности... А значит, это русское поле неким таинственным образом хранит в себе историческую память не только о расположении армий, редутов, засадных полков, но и об именах участников сражения, выражении их лиц, гарцевании коней, свисте ядер, грохоте пушек, предсмертных криках, столах раненых и обо

всём, что только ни запечатлело гениальное перо Михаила Лермонтова.

«Чем чище наше сердце, – говорил я, прислушиваясь к затихшей аудитории, – чем трепетнее душа, тем явственнее нам дано, особенно при соборном служении литургии посреди поля, умом и чувством объять всё, происходившее здесь двести лет назад... И объять, и вобрать, и приобщиться к неувядаемой воинской славе наших великих отцов. А ведь именно эти качества: самопожертвование и готовность к подвигу, удивительная энергия и неустрашимость в схватке со злом, но главное – беззаветная любовь, необходимы юному современнику, вступающему на стезю супружества...»

Беседа длилась более часа. Были затронуты все жизненные вопросы, прямо или косвенно связанные с семейной жизнью. Слушатели не стеснялись вопрошать, и я едва справился с обилием записок, отражавших совсем не простое состояние души нашей молодёжи. Как строить отношения с любимым человеком до брака? Как не оши-

биться в выборе? Что делать, если он разведён, но имеет малых детей? Как найти общий язык с мужем, если тот охладел к вере и Церкви? Можно ли венчаться с инославным? Отвечать нужно было и кратко, и живо, и иногда не без юмора, тем более что не каждая ситуация может быть разрешена однозначно.

Солнце стояло уже высоко, и мне хотелось завершить нашу встречу так, чтобы общение неким образом продолжилось и после неё... Кто-то передал мне апельсин, в знак искренней признательности за слово. Внезапно у меня появилась необычная мысль, которую я тотчас воплотил в действии.

– Друзья, посмотрите, в моих руках чудесный оранжевый апельсин. Мне почему-то хочется возвратить его неизвестному благодетелю, но не так просто, а с особой молитвой.

Тут, приподняв на левой ладони заморский фрукт, я с чувством, весьма размеренно и чётко прочитал молитву.

– Господи, даруй получившему плод сей полноту семейного счастья...

В «таборе» слегка подуставшей молодёжи тотчас стихли все разговоры.

– Пусть ему достанется спутница жизни красивая, а главное благочестивая, хозяйственная и кроткая. И подарит ему здоровых румяных деток. А если апельсин попадёт к девушке, пусть её избранником будет целомудренный и работающий юноша, не рохля, не хлюпик, не зануда, но радостный, энергичный и, что очень важно, ласковый, даже нежный...

Пятьсот пар глаз, если не больше, замороженно смотрели на «чудодейственный» апельсин. Я сделал вид, что хочу бросить его в толпу налево и уже замахнулся рукой. Справа раздался вопль:

– А нам, а для нас?

– Какой ещё вам ананас?.. – Замахиваюсь направо...

Слева кричат:

– Нечестно! Так нельзя!

Мало помедлив и почувствовав критич-

ность ситуации, говорю в микрофон на всё Бородинское поле:

– Друзья, предлагается компромисс! Я кладу этот чудо-апельсин на динамик (достигавший человеческого роста), и фрукт должен оставаться на месте до половины четвёртого утра... Тому, кто дерзнёт его восхитить (то есть украсть) ранее объявленного времени, ничего, кроме инсульта, обещать не могу. (И смех, и сдавленный шёпот аудитории).

Огромное количество людей внимало слову священника, как невинное и послушное дитя!..

– Те, кто соберутся у апельсина в означенное время, смогут законно разделить его между собой и получить просимое по своей вере. Остальным предоставим питаться добрыми воспоминаниями о нашей встрече...

Народ в восторге аплодировал и ещё долго-долго не отпускал необычного батюшку, подходя к нему за благословением. Между тем апельсин, уютно расположившись на звукоусилителе, купался в лучах то

ли полуденного солнца, то ли внезапно пришедшей к нему славы...

С радостью в сердце покинул я Бородинское поле, благодаря Господа за возможность послужить Отечеству.

«Как, это всё? – спросите вы. – А продолжение истории?»

Позже я узнал, что она не завершилась до сих пор, приобретя чуть ли не международный размах. Оказалось, что почти все братья и сёстры вышли в три часа ночи с небольшим из палаток за «апельсином семейного счастья»! Вы не поверите! Когда стало ясно, что разделить его невозможно между несколькими сотнями студентов, было принято соломоново решение: опустить плод в огромную бадью и разлить всем этот «апельсиновый чай»! Вожделенный напиток достался даже соням, не сумевшим вырваться из объятий Морфея, или по-русски Храповицкого.

Недавно ко мне в храме подошла девушка и сказала, что она поставила перед собой задачу проследить жизненные судьбы людей,

вкусивших с верой целительного напитка в ту летнюю бородинскую ночь...

Если кому-то из читателей станет что-либо известно о продолжении этой истории, я с нетерпением буду ждать ваших писем.

АНАСТАСИЯ

«...И юность ушедшая всё же бессмертна...»

Кто из нас (за исключением современной молодёжи) не хранит в памяти слова популярной лирической песни ушедшей эпохи? Возможно ли придать им сущностный смысл или эта поэтическая фраза9 (Речь идёт о песне «Как молоды мы были» А. Пахмутовой и Н. Добронравова, получившей известность благодаря талантливому исполнению народного артиста России Александра Градского.) на многое не претендует? Склоняюсь к мысли, что здесь сокрыта глубокая тайна... Ведь нам воистину даровано во Христе бессмертие. Все мы чаем воскресения мёртвых. В ведомый Богу час нас ожидает чудное изменение – душа соединится с воскрешённой плотью и просияет в ней, как бы помещённая в нерукотворенный чертог. Прекрасны будут люди, удостоенные спасения! Они расцветут, словно райские соцветия, в одуховлённом состоянии вечной юности... Вот почему на

чистых детских лицах, не замутированных и не искажённых низменными страстями, можно увидеть отсветы блаженной вечности...

Вы помните, что я пришёл в знаменитую школу №59 в Староконюшенном переулке совсем ещё молодым и неискушённым учителем русского языка и литературы. Как меня там встретили, вы уже знаете. Сейчас рассказ об ином. В нагрузку к преподавательским часам я получил один день продлёнки. Мне надлежало «пасти» детишек в группе продлённого дня, делать вместе с ними домашние задания, гулять во дворе школы до тех пор, пока их не заберут родители.

Заведующая продлёнкой немолодая кругленькая дама со звучным именем Гита Соломоновна выдала мне, с присущей ей властностью, все необходимые устные инструкции. В заключение она, подняв вверх указательный палец с массивным золотым перстнем и проницательно посмотрев мне в глаза, строго сказала: «Артемий, смотри у меня: чтобы ни-ни!» Какое странное пред-

упреждение! Почему оно было адресовано именно мне? До сих пор теряюсь в догадках.

Послушно кивнув, я отправился на продлёнку для снискания своего нелёгкого педагогического хлеба. Первоклашки встретили меня во дворе школы с нескрываемым любопытством, перешедшим в откровенный восторг. Теперь у них будет воспитатель мужчина! И достаточно молодой, чтобы разделить с ними их незатейливые игры!

Нужно признаться, что воспитательницы не слишком много внимания обращали на своих подопечных, обыкновенно разбежавшихся по всей площади школьного загончика. Разместившись на бревне, которое было предназначено для физкультурных занятий, три дамы, напоминавшие откормленных цесарок, оживлённо беседовали между собой и боковым зрением следили за школьной детворой.

Первоклассники тут же облепили меня со всех сторон:

– Так вы наш новый воспитатель? Вас

зовут Артемий Владимирович? А вы будете играть с нами в пограничников и бандитов?

Получив от меня скорое согласие, мальчишки объяснили несложные правила игры. Все они записались в бандиты (напомню, это была середина восьмидесятых годов), а я оказался единственным пограничником, задача которого заключалась в том, чтобы ни одного правонарушителя не пропустить через государственную границу. Замечу, что пришёл я на работу в парадном (и единственном) венчальном костюме – в бежевом вельветовом пиджаке и светло-коричневых брюках, в тон туфлям без шнурков, с гляncем на мысках. Не трудно догадаться, что через полчаса игры я действительно напоминал собою стража священных границ нашей Родины, готового на любые лишения и опасности, лишь бы выполнить с честью боевое задание. От моего парадного лоска не осталось и следа. Педагогические дамы не без интереса взирали на нас со своего седалища, полушёпотом комментируя неординарные действия нового воспитателя.

Игра закончилась. Утомлённые и счастливые малыши стали отряхиваться и приводить себя в порядок, готовясь к полднику. В эту минуту ко мне подошла худенькая голубоглазая девочка-первоклассница с двумя белоснежными бантами в косичках. До этого, не принимая никакого участия в буйных мальчишеских забавах, она тихонько играла сама с собой у невысокого забора, время от времени посматривая куда-то вдаль... Подойдя не без робости, Настенька¹⁰ (Я сохранил в памяти её имя.) доверчиво обратила к ещё незнакомому ей учителю своё прекрасное лицо:

– Артемий Владимирович, загадайте мне, пожалуйста, загадку...

Увидев её невинный лик, я вздрогнул от неожиданности. Это было откровение, быть может, достойное пушкинского признания:

Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты...

– Какую же загадку тебе предложить? –

вопросил я появившегося предо мною «ангела», лихорадочно перебирая в уме всё, что там хранилось с детских лет.

Как назло в сознании всплыл плоский стишок советской поры: «Это что за большевик лезет к нам на броневик: он большую кепку носит, букву «р» не произносит?» Но конечно же оскорбить слух невинной Настеньки этой страшилкой я не мог!

Прошла секунда, другая... Её глаза, как озёра синие, не мигая смотрели на меня...

– Хорошо, я загадаю тебе загадку, только ты не спеши её разгадывать. Договорились? Сначала выслушай до конца, подумай, а потом отвечай...

Настенька в знак послушания опустила свои пушистые ресницы...

– Скажи: Кто всегда был, есть и будет¹¹ (Эта сентенция в советские годы была общим местом на транспарантах, посвящённых «вождю пролетариата»...)?.. Стой-стой, это ещё не всё!.. Кто создал небо и землю, Кто извёл из недр цветы и деревья, Кто дал птицам крылья?.. Кто нас с тобой сейчас

видит, слышит и любит? Кто?

Настенька задумалась, а затем вновь подняла на меня свои дивные глаза... В них отразилось бездонное небо и, казалось, самая вечность...

– Бог? – едва слышным шёпотом произнесла она с вопросительно-доверительной интонацией.

Оглянувшись направо и налево (на дворе ещё и не пахло переменами в жизни общества), я, торжествующе улыбаясь, ответил девчужке:

– Точно! Но только, Настя, смотри, ни-ни!

С этими словами я приставил указательный палец к губам. Первоклассница вновь кивнула, в знак понимания. Воцарилось молчание...

Дай, Бог, мне увидеть её вновь там, за гранью земного бытия, в свете блаженной вечности, где цветёт прекрасная юность, чуждая греха и тления...

«Парад РОНО12 (Районный отдел народного образования.)»

Так называлось посещение какой-либо школы группой методистов из районного отдела народного образования. Визита этих высоких гостей сподобился и я, ещё совершенно неопытный учитель русского языка, вскоре после памятного диалога в кабинете директора.

Новый материал, который я должен был преподавать детям, считается достаточно трудным – причастие. Эта отглагольная форма знаменита своими суффиксами. Правописание того или иного причастия зависит от спряжения глагола, послужившего основой для его образования. Например, глагол «молиться» относится ко второму спряжению. Произведённое от него причастие настоящего времени (действительного залога) будет иметь суффикс -ящ – молящийся. Глагол «каяться» – первого спряжения. Соответствующее причастие должно писать с суффиксом -ющ – кающийся.

Безусловно, эта обширная тема не рассчитана на её усвоение детьми за один урок,

тем более что существуют ещё и причастия так называемого страдательного залога. Особую трудность представляет для учащихся правописание одного или двух -н- (-нн-) в суффиксах страдательных причастий прошедшего времени: деланый, увиденный... Убеждён, что многим читателям было бы полезно повторить этот давно забытый ими раздел грамматики русского языка, особенно студенческой молодёжи, которая, как правило, не так тщательно изучала в школе родной язык, как поколение их родителей.

В мою первоочередную задачу на этот раз входило разъяснение, как отличить действительный и страдательный залоги причастий настоящего и прошедшего времени. Благо, одна очень опытная пожилая преподавательница русского языка накануне предложила мне весьма интересный подход к раскрытию трудной темы.

Дети, уже знавшие, что нас посетят весьма важные гости, были готовы к серьёзной и активной работе. Ведь на уроке самое главное – обратная связь, по которой можно

судить, насколько слушатели усвоили новый материал. Обратная связь проявляется и проверяется на практике – в ответах учеников на вопросы педагога и в решении ими конкретных примеров. Но давайте обо всём по порядку.

Едва лишь три дамы среднего возраста и внушительной комплекции вплыли в класс, как атмосфера в нём тотчас изменилась. Воцарилась мёртвая тишина. С ребячьих лиц сползли улыбки, глубоко спрятались или вовсе потухли искорки радости, светившиеся секунду назад в детских глазах. Урок ещё не начался (я только приготовился назвать тему занятия), а тройка, расположившаяся на стульях у противоположной стены, раскрыв блокноты, уже принялась что-то сосредоточенно писать, время от времени поглядывая на меня из-за своей «засады». Свинцовая тяжесть опустилась на сердце. Радость общения с детьми, вдохновение, окрылённость, обычно мне сопутствовавшие, исчезли безвозвратно. Рот как будто склеился, рука едва держала

мел, на лице появилось выражение неуверенности и, более того, растерянности. Между тем всё быстрее и быстрее ходили в руках «перья» методистов, напоминавших тогда милицейских сержантов, которые обыкновенно с полной сосредоточенностью, в молчании, составляют протокол на месте правонарушения. Однако отступить было некуда! Вспомнив, что Родина присвоила мне звание лейтенанта запаса, я как русский офицер взял себя в руки и приступил к выполнению «боевого задания».

– Дети! Сегодня у нас новая, удивительно интересная тема. Слышали вы когда-нибудь о... причастии? (Мог ли я тогда подумать, что мне будет некогда даровано Богом беседовать с юными душами о ином Причастии, составляющем самую сердцевину учения Христа Спасителя?) Эту часть речи очень легко узнать, потому что она происходит от глагола. Всмотревшись в причастие, вы всегда увидите в корне слова производящую глагольную основу... Например, в причастии «опоздавший» кто-то может найти такую

основу? Смелее, смелее, друзья, ведь «трус не играет в хоккей»!

Класс заработал. Успешно выявив связи причастий с глаголами, мы пошли дальше. Грозные «парки»¹³ (Парки (Parcae) – у римлян богини рождения. Имена их были первоначально Parca (богиня рождения), Nona и Decuma. Позднее к богиням Nona и Decuma присоединили божество смерти – Morta, создав таким образом трицу, олицетворявшую жизненную судьбу от часа рождения до часа смерти. – Примеч. ред.) по-прежнему плели нити своих судьбоносных умозаключений. Тем не менее, на душе стало веселее. А как же иначе? Смышлёные ученики демонстрировали полное вхождение в тему! Тут я приступил к самому трудному орешку – к объяснению разницы между действительным и страдательным залогами.

– Друзья! Вы даже не представляете себе, как просто их различать! Все причастия действительного залога похожи на взъерошенного ёжика: они шипят, свистят, пыхтят,

вечно чем-то недовольны. Только послушайте: мешающий, опоздавший, свистящий... Я выразительно артикулировал звуки, произнося суффиксы в нарочито агрессивной манере. А вот страдательные причастия словно страдают, жалуются, ноют, жизнь у них, видимо, совсем не сладкая: зависимый, упущенный, проигранный...

От радости постижения незнакомого материала школьники раздумались и оживились. Вновь я увидел на лицах улыбки, которые возвратили и мне уверенность в себе. В воздухе запахло победой! Урок закончился на мажоре. Может быть, он и не отвечал всем правилам педагогического церемониала, но налицо был результат. Освоение за каких-то сорок пять минут сложнейшей темы, и притом всем классом! Лес рук был тому ярким доказательством... Упоенный успехом, я вышел из аудитории, пропустив вперёд строгих дам, остававшихся на фоне детской живости и непосредственности в проявлении чувств совершенно бесстрастными.

Через полчаса я должен был войти в хорошо знакомый кабинет директора и представить пред очами моих арбитров. На этот раз в душе не было ни страха, ни смущения. Волна детской любви, казалось, несла меня к берегу решительного успеха и признания моего педагогического кредо...

Оказавшись перед «парадом РОНО», я приготовился выслушать устную рецензию на состоявшийся открытый урок. Говорить должно было председателю комиссии. Напоминавшая мне по внешности Гиту Соломоновну женщина с короткой (под мальчика) стрижкой, с яркой алой помадой на губах, встала и сделала... паузу. Обведя собравшихся долгим, испытующим взором, она затем по-ораторски простёрла правую руку и, наконец, изрекла слово:

– Дорогие товарищи! Немало молодых специалистов мы курировали на своём веку, и были среди них, что называется, учителя от Бога... Но здесь... но сейчас... – Дама вновь многозначительно посмотрела на лица своих единомышленниц. – Такого

мрачного и безотрадного впечатления у нас не было НИКОГДА! – С этими словами она, совсем как Гита Соломоновна, подняла указательный палец и потрясла им в воздухе. – При всём желании помочь начинающему педагогу нам тут и зацепиться, собственно, не за что...

Комиссия РОНО сошлась в едином мнении: несоответствие занимаемой должности!

Я не верил своим глазам и ушам. Мир как будто перевернулся передо мной и встал вверх тормашками. То ли я, безнадежно больной, оказался в окружении здоровых и нормальных людей, то ли... В эту секунду я посмотрел в сторону всегда симпатизировавшей мне женщины, которая заведовала учебной частью. Она сидела опустив голову и старательно закрывалась от меня рукой, как будто прячась под её сенью... «Так это же спектакль, заранее отрежиссированный!» – сверкнула в моём сознании мысль... и канула в сердце. Удивительное дело: молниеносно совершённое мной открытие тотчас успокоило мятущуюся душу и

примирило её с действительностью. Не я первый, не я последний... Им нужен повод для выдворения неугодного учителя из школы. Но так как сделать это без моего согласия они не могут, им важно убедить меня в своих выводах, с тем, чтобы я ушёл по собственному желанию...

Благодарение Богу, я имел мудрого наставника, с которым мог посоветоваться относительно своих дальнейших действий. Я принял решение уходить и не ломать копья о «бронированный щит» системы. Тем более что предчувствие об уходе из советской школы меня не оставляло никогда.

Незадолго до случившегося я как-то встал в любимом Обыденском храме пред ростовой иконой Господа Иисуса Христа в белом хитоне, с простёртыми навстречу людям руками. Спаситель смотрел прямо в мою душу... Застыв перед Ним в бессловесной молитве, я прислушался к собственному сердцу. Оно, внезапно раскрывшись, само уже беседовало с Небесным Отцом. Куда Ты отправишь мои стопы, Господи? Скажи

мне, Господи, путь, вонже пойду... Дух Твой благий наставит мя на землю праву¹⁴ (Пс. 142, 8, 10.)... Я понимал, что школьным учителем мне долго не быть. «А может быть, священство? Но куда оно ведёт своих служителей?» Мои глаза смотрели сквозь вещей образ и созерцали путь Христа на Голгофу. «Ты готов, желаешь идти по нему?» – настойчиво вопрошала меня совесть. Сам собою сложился тогда ответ: «Готов, желаю...»

В глубокой задумчивости я вышел из храма... Это было за три дня до «парада РОНО»...

Что дальше?

После запомнившегося читателям «парада РОНО» я получил от главы комиссии устную рекомендацию обратиться в управление по распределению молодых специалистов. Туда я пришёл с трудовой книжкой, любезно выданной мне Валентиной Васильевной, директором школы. Найдя нужную дверь, я прочитал на табличке фамилию дамы, которая, видимо, была предупреждена

о моём визите: «Стукалина». Усмехнувшись про себя, я постучал в дверь кабинета. Меня встретила сухонькая, аккуратно одетая женщина. На её лице я прочитал выражение долга, ответственности и готовности жертвовать личным ради общественного. Без долгих предисловий товарищ Стукалина обнажила суть проблемы.

– Артемий Владимирович, вы понимаете, что ваши религиозные убеждения не позволяют вам работать в советской школе?..

– Но причём здесь мои убеждения?! Я молодой специалист и исполнен сил и желания обучать детей русскому языку и литературе.

– А скажите, какова тема вашей дипломной работы?

– Древнерусские великокняжеские жития.

– Ну вот видите, вы же узкий специалист чисто научного профиля, а не педагог! Вам гораздо больше подойдёт отдел древних рукописей в одном из музеев столицы, чем школа!

Мне тотчас представилось, как я спускаюсь в холодное подвальное помещение,

заполненное рукописными книгами. Снаружи гремит засов, и я оказываюсь запертым до обеденного перерыва в книгохранилище. В помещении почти совсем темно и холодно, а там, на улице, много света, слышатся детские голоса и счастливый громкий смех... Какие парадоксы жизни! В университете меня чуть ли не силком вытолкали в школу, а теперь школа разлучает с детьми молодого специалиста, не вписавшегося в школьные параметры, желая упрятать его в «архивные казематы», подальше от света Божьего и подрастающего поколения.

– Ваша особенность, Артемий Владимирович, – в нестандартном мышлении, и поэтому мы настоятельно рекомендуем вам заняться научной филологической работой.

С этими словами товарищ Стукалина доброжелательной улыбкой дала мне понять, что аудиенция окончена. Не скрою, что всё происшедшее было для меня настоящим потрясением. Разве это преступление – нестандартное мышление? Неужели у педагога вместо мозгов должны быть матрицы или

какая-то интегральная схема? Ведь общение с детьми предполагает и остроту восприятия жизненных явлений, и многообразие методических подходов, и, наконец, живость характера, которая никогда не позволит школьникам назвать своего учителя занудой, деревяшкой, циркулем и кем угодно. Можно ли причёсывать всех учащихся одной гребёнкой? В конце концов, и писатели наши были людьми ищущими, страдавшими от собственных ошибок, подчас мучительно пробиравшимися (вместе со своими героями) через дебри сомнений к свету истины...

Эти и подобные им размышления занимали меня, покуда я медленно брёл со Старого Арбата в сторону родной Остоженки и отчего дома. Я, казалось, не замечал окружавшей меня столичной суеты, спешивших куда-то пешеходов, целиком уйдя в свои думы... Но они были бессильны разрешить вопрос: а что же дальше?

Нужно было перевести дух и оправиться от постигших меня за последние два года

испытаний. «Нужен ли я России? Нет, не нужен...» – это горестное признание тургеневского героя всё чаще приходило мне на память. Однако душа говорила иное, предчувствуя какое-то высокое служение, сокрытое в дымке грядущего.

Уже не помню, кто из моих друзей предложил мне в качестве «реабилитации» устроиться во вневедомственную охрану: сутки работаешь – трое отдыхаешь. Местом мирных трудов стал Дом культуры энергетиков на Раушской набережной, почти напротив зубчатых стен Московского Кремля. Мама, узнав о моём новом поприще, вспомнила, что в юности ходила туда заниматься живописью. Это обстоятельство меня ободрило и утешило.

В дневное время в зале Дома культуры проходили непрерывные партийные и комсомольские собрания, и я, сидючи в своём плексигласовом загончике при входных дверях, только и слышал вопросы: «Кто за? Кто против? Кто воздержался?»

Каким раздольем обернулся для меня

новый вид профессиональной деятельности! Сидишь себе, молишься, читаешь умные книги! А вечером начинался звёздный час для союзной молодёжи: оглушающий грохот динамиков, яркие вспышки красного, жёлтого, зелёного света и топот сотен ног под ритмичную, бьющую в сердце и по внутренним органам музыку... Сохранить в этом преддверии ада молитвенный дух казалось невозможным. Наконец, ближе к одиннадцати часам всё успокаивалось. Здание пустело, последними уходили уставшие музыканты, уволакивая тяжёлые ящики с аппаратурой и инструментами. Наступало царство тишины.

Никогда не думал, что ночевать одному в совершенно безлюдном здании страшно. Я должен был осмотреть его, начиная с подвала до верхнего этажа, всюду выключить свет и запереть в завершение входные ворота во дворе.

Каково было моё удивление, когда, спустившись в цокольный этаж, я высветил фонариком сводчатые потолки и обнаружил

столпы, по которым можно было предположить, что на этом месте некогда стоял Божий храм. Так вот где проходят теперь партийные собрания и грохочет по вечерам умопомрачительная комсомольская дискотека!

Пришедший утром сменщик, невесёлый мужчина средних лет с небритым лицом, доверительно сообщил мне как новенькому, что у них здесь по ночам неспокойно.

– На верхних этажах в голубом и розовом фойе всё время кто-то ходит, спать практически невозможно. Я лично вот чем обороняюсь...

С этими словами он нагнулся и вытащил из-под холодильника самый настоящий топор!

– И что, пускали в ход это оружие?

– Да знать бы, против кого... Без топора, впрочем, наверх и не хожу – шаги то спереди, то сзади слышатся. Думаю уходить отсюда, мочи уже нету...

По-своему истолковав свидетельства напарника, я подготовился к следующему своему дежурству со всей серьёзностью.

Принеся с собой побольше святой воды, я, оставшись один и громко распевая (для собственного ободрения) все знакомые мне молитвы, на четырёх стенах здания нарисовал карандашом кресты и стал окроплять помещение, не забыв голубое и розовое фойе, где демоны, отдыхая после дискотеки, видимо, проводили свои inferнальные заседания. Не обошёл вниманием даже потрепанный жизнью большой чёрный рояль, который в темноте вполне можно было принять за левиафана¹⁵ (Морское чудище, отождествляемое в Библии с князем тьмы.).

Вторая ночь прошла совершенно спокойно. Свернувшись в калачик на раскладушке в своей плексигласовой «келье», я кожей чувствовал невидимое присутствие ангелов Божиих, охранявших в этом огромном здании покой смиренного ученика Христова.

Вскоре коллеги по охране о чём-то стали догадываться, всякий раз видя утром благодушного новичка и принимая за некую «во-

енную тайну» мой ответ на их вопрос о прошедшей ночи: «Слава Богу, всё было тихо». В конце концов один из них, свободный художник и альпинист по совместительству, человек, ведущий непутёвую жизнь, зато побывавший некогда душой вне собственного тела¹⁶ (Сорвавшись со скалы, он лишился чувств и затем увидел с высоты собственное бездыханное тело... Этот опыт он обобщил словами: «Там что-то есть», однако не изменил привычного образа жизни.), завязал со мной доверительный разговор:

- Артемий, чем защищаешься?
- От кого?
- Сам знаешь: от духов.
- Чем все, тем и я: молитвой.
- Ты верующий?
- Конечно, иначе бы не спал здесь спокойно.
- А мне молитву дашь?
- Дам – если нужна. Лишь имейте в виду, что после её прочтения нельзя ругаться матом. Иначе может быть только хуже.
- А ты что совсем не выражаешься?

– Стараюсь подбирать другие слова.
– Да, серьёзное дело... Так не дашь молитву?

– Дам, и с удовольствием!

Тут же от руки я переписал ему молитву из вечернего правила, начинающуюся словами: Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его¹⁷(Пс. 67, 2.)...

Трепетно взяв листочек, альпинист положил его в нагрудный карман... Через несколько дней он подошёл ко мне с испуганным видом...

– Артемий, ты понимаешь, какое дело, молитва улетела...

– Как так улетела?

– Сам не знаю. Как не было её! Видимо, кому-то (с этими словами он посмотрел вниз и затем поднял оба указательных пальца наподобие рожек) не понравилась... Я её успел всего лишь один раз прочитать!

В утешение я пообещал подарить ему молитвослов, который тогда ещё был редкостью даже в стольном граде России.

- А ты не в Академию собираешься?
- Какую?
- Духовную, конечно!

На этот раз опешил я, ибо, зная о существовании Академии при Троице-Сергиевой Лавре, даже не помышлял об этом заоблачном учебном заведении... Знал бы мой собеседник, что его слово окажется пророческим...

ОТЦЫ - ЗАОЧНИКИ

Когда я слышу словосочетание «заочное обучение», то почему-то всегда вспоминаю стихотворение А. С. Пушкина об отцах пустынниках и жёнах непорочных и о том, как те вперяли ум «во области заочны», слагая множество Божественных молитв...

У нас в Семинарии тоже существует этот сектор, и меня как молодого преподавателя русского языка и литературы сразу приставили к «отцам-заочникам». Они приезжают в Лавру сначала ради поступления в Семинарию, а затем – на сессии.

Много лет, уже и по принятии священного сана, я участвовал в скромных экзаменационных трудах, оказавшихся и благодатными, и благодарными.

Вы только представьте себе: у вас появляется возможность повидать батюшек со всей Руси великой: архимандритов (правда, не часто), игуменов, прото- и просто иереев... Встреча с ними для меня всегда была событием. Почему? Да потому что хо-

роших людей немало, а тем паче в среде российского духовенства. Ведь в большинстве своём это истинные подвижники, возрождающие нашу глубинку! Строят храмы, просвещают народ, болеют душой за державу, воспитывают собственных детушек (а их в священнических семьях не двое и не трое), учат уму-разуму подрастающее поколение, которому, быть может, придётся отстаивать Россию пред лицом неведомых испытаний.

Безусловно, и для провинциального духовенства приезд в Троице-Сергиеву Лавру – тоже событие... На время оставив родной приход и матушку «со чады», священник приезжает в эту главную обитель России, тесно общается со своими собратьями, молится у чудотворной гробницы Преподобного и начинает готовиться к экзаменам за день до их начала. Отчего так? Причина весьма понятна. Обременённый множеством обязанностей, находясь в круговерти приходской жизни, редкий пастырь может позволить себе роскошь углубиться в мир

духовной литературы. Тем более штудировать пособия по церковным наукам и конспектировать богословские сочинения. Уж умолчу о курсе русского языка...

Удивительно, но батюшки, обыкновенно такие мудрые, важные и дородные, волновались на моём экзамене, как малые дети! Вот аудитория заполняется духовенством. Молодые, ещё безусые худенькие дьяконы, почтенные и представительные настоятели, с крестами на груди, украшенными драгоценными камнями. Встречаются здесь чёрные, как смоль, курчавые головы, которые заставляют вспомнить героев Тургенева, Чехова и Мельника-Печерского. Увидишь здесь и окладистые, тронутые сединой бороды, достойные кисти русских передвижников или лёгкого, насыщенного тёплым юмором ласкового лесковского пера. Это уже не «Русь уходящая» – знаменитая многофигурная живописная композиция преемника нестеровского таланта Павла Корина. Чудом сохранившееся и ставшее ныне хрестоматийным полотно запечатлело

исповедников Русской Церкви послереволюционных лет. Лица их суровы и тревожны. Епископы и игуменны, монахи и белые священники напряжённо вглядываются куда-то вдаль, готовя себя к смертельной битве с «багряным драконом безбожия», глава которого испещрена именами богохульными³⁸ (См.: Откр. 17, 3.). Большинство из выписанных смелой кистью Павла Корина священнослужителей пострадали за благочестие, засвидетельствовав собственной кровью веру в воскресшего Христа.

Нет, это Русь возрождающаяся! Передо мной, светским (но не советским) педагогом, сидят представители духовенства XX столетия. Немало среди них и интеллектуалов, давно оставивших студенческую скамью, а иногда окончивших и несколько высших учебных заведений. Другие батюшки попроще, однако у всех за плечами нелёгкая школа жизни. Выделяются лица молитвенников, умеющих и в толчее людской сохранять памятование о Боге и под-

держивать огонёк непрестанной молитвы в сокровенной лампаде своего сердца. Почти не встречаешь здесь лиц угрюмых или чем-либо недовольных. Светлая печать кротости и смирения, вовсе не препятствующих проявлению природной живости характера, – отличительное достоинство православных пастырей.

Меня почему-то охватывает чувство жалости к батюшкам: и за их волнение перед экзаменом, и за непрестанные труды и заботы, материальные трудности, которые испытывают многие священники из глухих, затерянных на необозримых просторах России деревенских приходов. Хочется ободрить и порадовать священнослужителей, использовав экзамен по русскому языку как повод, и превратить эту встречу в праздник общей веры и любви во Христе. Наверное, я плохой экзаменатор, обличением которому может служить старинная пословица: «Дружба – дружбой, а служба – службой»...

– Дорогие отцы и братья, сердечно приветствую вас! – так дерзновенно встречал я

прибывших на экзамен, когда уже стал академическим священником. – Разрешите поблагодарить всех, кто сегодня собрался здесь на экзаменационную сессию с надеждой на милость Господню... Ведь надежда «не посрамляет»³⁹ (См.: Рим. 5, 5.)», не правда ли?

– Спаси вас Господи, отец Артемий, будьте и вы милостивы к нам, уж мы вас не забудем в своих молитвах у престола Божия, – достойным Шаляпина басом загудел тучный протодьякон в светлом подряснике с широким расшитым поясом, какой часто встречается у представителей малороссийского духовенства.

– Дорогие батюшки, есть ли среди вас те, кто не хочет долго мучиться и в состоянии сам оценить свои знания на хорошую, твёрдую троечку?.. Если таковые присутствуют, то можете собственноручно поставить себе отметку в ведомость, а я уж распишусь в ней, как ваш неизменный благожелатель.

Наступает полная тишина. Шёпотом отцы обмениваются мнением: может быть,

здесь скрывается какая-то провокация? Я выжидательно смотрю на лица присутствующих. Наконец кто-то с задних рядов протискивается вперёд, приговаривая:

– У меня всенощная сегодня, спешить нужно... Я не гордый, «я согласен на медаль»...

– Как ваше имя?

– Священник Иоанн Снегирёв, Владимирская епархия.

– Хорошо, батюшка, ваша скромность действительно заслуживает одобрения. Но я боюсь, что вы можете дать не слишком похвальный пример всем прочим. А может быть, вы несколько занижаете свою планку? Не изволите ли расставить знаки препинания в следующем предложении?..

Я на секунду сосредоточиваюсь, закрываю глаза и медленно произношу вслух сентенцию:

– Смирение – главное условие стяжания Божьей благодати...

Иерей с волнением смотрит на меня и переспрашивает:

– Ч-что я должен сделать?

– Подумайте, какие знаки препинания в этом предложении вы хотели бы поставить.

Я повторяю фразу ещё раз. Нервно моргнув и истово осенив себя широким крестным знаменем, батюшка отвечает:

– В конце предложения – точка.

– Чудно! А вы ещё собирались себе три поставить! Давайте натянем на четвёрочку. Какой ещё знак препинания нам просто необходим?

Я медленно произношу подлежащее: «Смирение...» и затем продолжаю: «...главное условие стяжания Божией благодати».

– Тире? – неуверенно спрашивает батюшка, что-то припоминая и чертя перед собой в воздухе указательным пальцем горизонтальную линию.

– Прекрасно! Совершенно справедливо! Дорогие отцы, какой отметки достоин наш собрат из Владимирской епархии?

– Уж не меньше четвёрки, а то и все пять, – трубным голосом отвечает за всех тот же протодьякон.

– Что вы, что вы, отец Артемий, я не люблю пятёрок, от них одна гордость лезет в голову, – растерявшись от радости, с широкой улыбкой на устах, застенчиво говорит отец Иоанн. – Мне только четыре – и то радость велия...

Отцы оживляются, с лиц сходит напряжение, повсюду сквозь усы и бороды светятся улыбки. Отец Иоанн удаляется, принимая на ходу поздравления, а я перевожу взгляд на лежащую передо мной ведомость.

– Ну а теперь давайте по списку...

Тут я решил предварить опрос ещё одним духовным размышлением. Оно как-то сразу родилось в моём сознании: «Отец Небесный, знающий все сильные и слабые стороны каждого человека, да раскроет Свои объятия священнослужителю такому-то (тут я намеревался назвать фамилию следующего батюшки) и дарует ему мудрость и разум для удачного ответа»... Таков был мой план продолжения экзамена. Оглядев в который раз милых батюшек и ободлив их приветливой улыбкой,

я начал заготовленную в одиночасье речь:

– Отец Небесный...

Внезапно во втором ряду поднялась рука, и послышалось отрывистое армейское:

– Я!

– Кто-то уже рвётся отвечать?

– Вы назвали мою фамилию, я – отец Небесный...

Такого дружного хохота, захватившего и меня в свою власть, я, признаюсь, давно не слыхивал в Семинарии. Хотите верьте, хотите нет, но в списке значилась именно эта фамилия – Небесный! Широко разведя руками, я обратился к аудитории:

– Ну, дорогие мои, такого в мировой истории, пожалуй, ещё не было! Как хотите, но экзаменовать отца Небесного я просто не имею морального права. Ваше суждение, друзья: какую отметку мы ему поставим?

– Не будем гневить Бога, однозначно пять баллов, иных вариантов просто быть не может! – громогласно вынес общий вердикт мой добровольный помощник – отец протодьякон.

Красный от смущения, невольно ставший предметом общего внимания «небесный» батюшка подошёл к моему столу, и я с удовольствием поставил ему высшую отметку. За одну фамилию! Фамилию, которая ко многому обязывает, не правда ли?

Признаюсь, что до сих пор (а ведь прошло более пятнадцати лет, как я перестал преподавать в московских духовных школах) знакомство на экзаменах и духовное дружество с отцами-заочниками отзывается подлинной радостью в моём сердце.

По педагогическим и миссионерским делам я немало путешествую и, посещая самые отдалённые уголки нашего Отечества, весьма часто встречаю в различных храмах и обителях своих бывших учеников, которые с истинно русским гостеприимством раскрывают мне свои тёплые объятия. И вы знаете, становится ясно, для чего существуют на свете экзамены, по крайней мере, в духовных учебных заведениях...

Выскажу свою точку зрения, которую, наверняка, кто-то из читателей пожелает

оспорить. Экзаменационные испытания нужны для взаимного возрастания в любви Христовой. Любовь и есть та «премудрость, которая сходит свыше... чистая, мирная, скромная, послушливая, полная милосердия и добрых плодов, беспристрастная и нелицемерная...»⁴⁰ (См.: Иак. 3, 17.). Обогатившись ею при взаимном общении, экзаменаторы и экзаменуемые, призваны щедро делиться этим сокровищем с ближними ради спасения собственных душ во все дни земной жизни...